

УДК 291+902

DOI: 10.23683/2500-3224-2017-4-8-22

ОТ РЕДАКТОРА НОМЕРА

С.А. Яценко

Аннотация. От имени редактора данного номера журнала дан обзор основных публикаций по религиозной тематике в разных рубриках. Автором предложены ответы на большинство вопросов анкеты о методике реконструкции религиозных верований и ритуалов в археологии, о возможном привлечении для этого данных этнографии.

Ключевые слова: религиозные верования и обряды, археологические проявления, методика палео-религиоведческих реконструкций, соотношение археологии и этнографии.

Яценко Сергей Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета, 125993, г. Москва, Миусская пл., д. 6, sergey_yatsenko@mail.ru.

FROM THE ISSUE EDITOR

S.A. Yatsenko

Abstract. The invited editor presents the review of the volume publications on the religious beliefs and rituals in various divisions of the volume. The editor also offers answers to the most questions of the discussion session on methods of the religious beliefs and rituals' reconstruction in archaeology, on the possible application of ethnological materials in the process of reconstruction.

Keywords: religious beliefs and rituals, archaeological evidences, methods of reconstructions of ancient religions, correlation of archaeology and ethnology.

Дорогие читатели! Предлагаемый вам четвертый номер журнала «Новое прошлое» за 2017 год посвящен, прежде всего, религиозной проблематике и в основном – религиям ранних эпох. Этот выпуск не случайно получил название «Священный огонь». Огонь (особенно зажженный по важному поводу или долго сохраняемый в святом месте) – занимает особое место среди пяти первоэлементов природы ранних натурфилософов. Это, пожалуй, самая капризная и неустойчивая из природных стихий (ведь искусственное добывание огня появилось поздно, в природе он встречался лишь в самых опасных местах – там, куда ударила молния, у кратеров вулканов и т. п. – там, где явно демонстрировалась хаотическая мощь иного мира). Будучи «прирученным», огонь стал защитой человека от хищников и демонов, средством приготовления пищи и ритуального очищения, начал восприниматься как танцующая «праматерь» или как проявление божественной хозяйки каждого жилого дома, но так и остался с тех пор капризным и вызывающим некоторый страх. Большинство из нас, как и в древности, любят смотреть на огонь, но эта привлекательность остается не до конца понятной... Столь же неясны для нас многие древние и традиционные ритуалы, о которых пишут авторы представленных здесь статей. И в современной истории велико символическое значение огня, особенно во время массовых акций (факельные шествия, сожжение «неугодных» книг, флагов и чучел политиков, «вечный» огонь у мемориалов жертвам больших войн, мерцание свечей во время богослужений и т. д.). Люди издавна верили, что эта страшноватая стихия несет в себе очищение и обновление.

Многие из нас со студенческих лет бывали заморожены религиозоведческими концепциями и широкими обобщениями материала таких классиков изучения религий прошлого, как Эвард Тэйлор и Джеймс Фрэйзер, Мирча Элиаде и Жорж Дюмезиль, Зигфрид Моренц и Мэри Бойс, Вернер Эйгхорн и Георг Виссова... Но наличие большого числа капитальных религиозоведческих трудов не означает, особенно по ранним эпохам, что накопление новых материалов оставит их авторитет незабываемым, не приведет к хотя бы частичному пересмотру. Будущие перемены в религиозоведении назревают постепенно, по мере накопления новых фактов и переосмысления уже известных. Новые коллекции публикаций, посвященные религиозоведческой тематике, обычно вызывают интерес коллег в смежных областях. Особый комплекс проблем связан с изучением религий ранних эпох, когда при недостатке твердо установленных фактов и фрагментарности полученной картины очень актуальны корректность реконструкций, обоснованность их методов, а также самого преимущественно сакрального характера конкретных объектов и явлений. Этот номер журнала посвящен более всего сакральному пространству различных культур, его соотношению с профанным. Мы постарались привлечь для этого выпуска публикации, в которых рассматриваются механизмы и традиционные способы формирования и воспроизводства сакрального, эффекты сакрализации, а также религиозные практики от архаики до современности, старались по возможности отразить в выпуске панораму взглядов и интересов специалистов различных сфер гуманитарного знания.

В гораздо меньшей степени, увы, нам удалось организовать обсуждение по теме «Археологическое отражение сакрального» с ответами на серию из пяти групп вопросов или хотя бы на часть из них. Сами по себе затруднения многих коллег, давно интересующихся подобной тематикой, при ответе на такие вопросы в какой-то степени демонстрируют не только большую занятость текущими делами, нарастающую в течение научной карьеры многих из нас узость специализации, но и неготовность детально обосновать свою позицию. Некоторые приглашенные авторы ответили лишь на один из предложенных вопросов (подчас заменив развернутый ответ мини-статьей, имеющей отношение к данному сюжету). Редакционные вопросы сводились к следующему. (1) Каковы возможности реконструкции обрядовых действий в археологии. Какие Вы видите ограничения в археологических методах? Какой опыт успешных реконструкций на археологическом материале Вас привлекает? (2) Этнографические материалы по религиозным верованиям и практикам: возможности использования в археологии. (3) Сакральные топосы: сакральное пространство и планировка древних поселений, некрополей и культовых мест. (4) Археологические критерии выделения жречества и иных членов общин с сакральным статусом (колдунов, гадателей, людей с «добрым глазом» и т. п.). (5) Критерии наличия шаманской практики и круга верований в археологических и в этнографических материалах. Как отражаются в материальной культуре шаманистские верования? Как бы то ни было, актуальность сформулированных вопросов представляется вполне очевидной.

В целом религиоведческая тематика получила в номере весьма разноплановое освещение, и она в той или иной мере отразилась в различных рубриках. Мне кажется, все отобранные тексты разных жанров (аналитические статьи, публикации новых материалов, тематические обзоры) так или иначе будут полезны любознательному читателю. Часть текстов связана с рядом ритуалов в могильниках эпохи бронзы. Наиболее полно здесь представлена проблематика античной эпохи – греко-римского населения Северного Причерноморья и окружавших их скифских и скифизированных и сарматизированных культур, эллинистических храмовых построек на Среднем Востоке; Статьи, связанные с современностью, анализируют социальные функции религиозных традиций и отдельных символов.

В публикации *Анатолия Кожедуба* дается аналитический обзор шести публикаций (статей) последних лет по разным вариантам демембрации (ритуального расчленения) останков умерших в различных культурах бронзового века степной зоны Восточной Европы (пакетирования костей, захоронения безголовых, обработка челюстей, отдельное экспонирование свода черепа и т. п.). Предполагается, что для ряда культур это касалось элитарных групп (воинов), а иногда – детей, принесенных в жертву. Наиболее ценными автор считает статьи С.Д. Лысенко и Р.А. Литвиненко, где проработан ряд вопросов методики, дается социальная интерпретация соответствующих обрядовых действий. Разумеется, многие из аналогичных обрядов известны и в синхронных культурах более восточных районов Великой Степи [см., например: Усманова, 2016].

В статье *Сергея и Светланы Лысенко* анализируются результаты недавних раскопок кургановидных возвышений на Войцеховском некрополе на Волыни, относящемся к комаровской культуре рубежа бронзового и железного веков. Памятник начали исследовать еще в 1924 г. Два из трех вскрытых «курганов» оказались природными всхолмлениями, а одно – кенотафом (на поверхности перед сооружением его насыпи активно использовали 6-гранное ритуальное кострище). В них впускались ритуальные объекты комаровской культуры (ямы, посуда, зернотерки и терочки, фрагменты каменных орудий, бронзового оружия и украшений). Важны наблюдения о ритуальном использовании природных всхолмлений.

Статья известного специалиста в области локальных культов и греко-варварского религиозного взаимодействия в Северном Причерноморье *Игоря Шауба* посвящена анализу образов монстров в культуре и искусстве европейских скифов (их иконографией успешно занимался в последние годы А.Р. Канторович; см., например [Канторович, 2015]). Автор не считает широкое распространение в скифской культуре монстров в ближневосточной, а затем – в греческой иконографии убедительным свидетельством второстепенности их образов в скифской религии¹. Он подчеркивает наличие большой серии оригинальных, собственно скифских образов монстров (грифон, птица или рыба в сочетании с оленем; сочетание птицы с лосем, грифона – с химерой), в т. ч. морских. Развивая свои прежние идеи, И.Ю. Шауб считает скифских монстров, прежде всего, своеобразными служителями местной Великой богини и ее мужского спутника (которые и сами часто выступали в монструозном облике). Они были своеобразными символами вечного круговорота бытия и легко воспроизводились в сознании скифов при употреблении наркотиков (паров конопля). Замечу, что образ человека-петуха (рис. 8) имеет аналоги в Средней Азии, в частности у маздеистов позднеантичного Хорезма (росписи в династическом центре Акчахан-кала / Казаклы-Яткан, где пары подобных персонажей исполняют религиозные обряды, держа каждый связку гадательных прутьев – барсом) [Betts, 2017, fig. 4].

Текст исследователя древней религии иранских народов *Анны Вертиенко* представлен как вариант ее ответа на вопрос № 1 анкеты к дискуссии. Он посвящен интерпретации человеческих жертвоприношений в виде черепов (как заменителей целого и одновременно – как части тела, концентрировавшей душу живого и магическую силу умершего), известных на культовых зольниках Большого Бельского городища в Лесостепной Скифии начиная с VII в. до н. э. в специальных жертвенниках или ямах. Автор предполагает, что в этом поликультурном сообществе данный обряд был свойственен носителям иранских языков. Черепа подчас были вмонтированы в фундамент постройки или в основание глиняного «столба», встречались

¹ Кстати, наличие по соседству общества с развитым изобразительным искусством далеко не всегда однозначно задает направление заимствований. Так, описанные в «Шань хай цзин» крылатый тигр Цюнци (XII.2) (известный позже как один из 12 главных богов, уничтожающих нечисть) и леопард с спирально закрученным хвостом («бык Чжу») (III.4a) локализуются на дальних землях северных варваров и представлены на татуировках «пазырыкцев» (рис. 1, I, III). Весьма вероятно заимствование их образов самими китайцами конца чжоусского времени.

парами. Археологический контекст таких находок (сопровождающие черепа животных и др.) позволяет А.В. Вертиенко допустить родство подобных приношений некоторым жертвенникам Агни для обряда *агничаяна*, описанного в древнеиндийских текстах и связанного с календарным циклом. Представляется несомненным, что в жертву приносились неполноправные члены общества (пленники, преступники и т. п.). Думаю, что автор текста таким необычным образом ответила на первый и третий из блока вопросов № 1 для дискуссии: 1) возможности реконструкции обрядовых действий в археологии основаны на широком кругозоре и корректном использовании материалов родственных религиозных систем (желательно – синхронных). 3) Ее привлекает углубление многообразия собственного опыта, уже накопленного в ходе изучения подобных тем.

В статье *Владимира Хршановского* анализируется серия находок ранних изделий (часто – целых) в некрополях римского времени в Илурате и Китее на Европейском Боспоре. В ней рассматривается интересная подборка разнотипных находок классического и эллинистического времени, оказавшихся в могилах и поминальных комплексах, созданных на 3–8 веков позже, включая IV в. н. э. Среди них – крупные фрагменты сосудов, привлекавших внимание изображениями или формой; целые надгробия; золотая бляшка с головой Медузы; монеты и др. Убедительно заключение автора о том, что все эти изделия или их фрагменты имели для поздних обитателей малых боспорских городов некое сакральное значение. С подобными же примерами я сталкивался, например, в археологии Южного и Западного Казахстана².

Текст *Олега Шарова* посвящен осмыслению результатов многолетних работ на трех соседних (расположенных в 100–150 м друг от друга) варварских святилищах римской эпохи Таракташ в Восточном Крыму, у г. Судак. Они возникли в середине I и во II вв. н.э. и включали по 1–2 малые культовые постройки с довольно большим числом мелких приношений. Особый интерес представляют глиняные идолы, весьма отличающиеся по иконографии и изображающие, видимо, разных персонажей (статуэтки из святилищ логично связываются автором с культом родовых предков, в жилищах – с домашними покровителями). Их иконографию О.В. Шаров во многих случаях сближает с фигурками из известных святилищ Средней Азии – Дильберджина, Кайрагача и ряда городищ джетыясарской культуры. Он прослеживает и особые ритуальные действия нового населения, появившегося здесь в конце II в. н. э. В генезисе столь необычного памятника, как Таракташ, остается очень много неясного.

² Так, в обширном доисламском могильнике вокруг нынешнего аула Шага в Туркестанском оазисе небольшое современное кладбище частично налагается на древнее. При рытье могил современные жители часто находят целую посуду IV–V вв. (обычно кувшины, реже кружки). Находки 1,5-тысячелетней давности не бьют и не выбрасывают, а аккуратно ставят на современные могилы (этот обычай распространен и в других пунктах региона) [Байпаков и др., 2005, с. 133]. В храме IV–III вв. до н. э. Байте III на плато Устюрт после его разрушения землетрясением во сакральный дворик было, видимо, впущено погребение знатного воина (вскоре ограбленное). Для этого погребения из ряда из 35 статуй воинов, обранных дугу вне храма, было взято одно (оно оказалось в грабительском лазе), и на него нанесли несколько тамг поздних «хозяев» [см. Ольховский 1998].

Очерк *Ивана Коровчинского* посвящен оценке вероятности отнесения к храмам огня таких известных объектов ахеменидского и эллинистического и парфянского времени, как «аядана» в Сузах, «храм с постаментом» в Персеполе, «храм Диоскуров» в Дильберджине, два храма в Ай-Ханум, парфянское здание в Кух-и Хвадже. Автор полемизирует с создателями реконструкций тех или иных архитектурных объектов, с мнениями о возможности устройства в них алтарей огня, преимущественно – с одним из ведущих мировых востоковедов, академиком Б.А. Литвинским (1923–2010), точнее – с единственной из его примерно 900 публикаций [Литвинский, Пичикян, 2000, с. 202–300], а также с Дж. Гуллини и рядом других коллег. Согласно позиции автора, одни из названных комплексов хотя и близки по облику «храму Окса» в Тахти-Сангине, но не имеют реально выявленных следов культа огня, а другие, хотя и имеют таковые, несхожи по конструкции. Аргументация И.Н. Коровчинского выстроена вполне логично. Однако я, близко знавший Б.А. Литвинского последние 30 лет его жизни, сомневаюсь, что этот чрезвычайно эрудированный и притом острожный, со скептическим умом ученый постоянно простодушно принимал на веру результаты чужих малообоснованных архитектурных реконструкций и чрезмерно увлекался идеей выявления античных «храмов огня». Возможно, эту критику стоило бы представить в более острожной форме...

Краткое эссе *Вячеслава Кулешова* акцентирует внимание на трех аспектах религиозности раннесредневекового Пермского края: на относительности принятого у археологов деления артефактов на культовые и бытовые (автор предпочитает рассуждать о предметах с большей или меньшей, постоянной или временной сакральной значимостью); на роли изделий из драгоценных металлов в культовой практике древней Югры и, наконец, на весьма спорном утверждении, что богатая изобразительность обязательно означает высокий уровень развития религии. Между тем, нам известны случаи, когда изобразительность оказывалась уже в древности практически под запретом (не только в иудаизме, но и в других религиозных системах), что никак не мешало созданию в голове носителей конкретной культуры и в традиции устных описаний богатейшего набора мыслимых образов и сложных доктринальных положений.

Очерк *Юрия Гугуева* является его реакцией на вопросы 1–2 к дискуссии. Он базируется на археологических наблюдениях С.В. Гуркина по южнорусским половцам / кыпчакам и этнографических – Б.П. Шишло и Л.Н. Ермоленко о поминальных действиях казахов и иных тюркских народов с разнотипными изображениями умершего. Автор предлагает определенную трактовку каменных и деревянных изваяний в мини-святилищах при половецких некрополях, как, с одной стороны, персонифицированных, а с другой – уподобленных легендарным предкам. Ю.К. Гугуев активно полемизирует с трактовкой «сокрытия» статуй как своего рода последствия подчинения монголам и конкретно – Золотой Орде.

Часть представленных статей посвящена современным модификациям религиозных и квазирелигиозных представлений и практик, точнее – их использованию

в политике. Текст *Анастасии Сергеевой* содержит анализ неорационалистских методов воздействия на сознание граждан Танзании в политическом процессе с помощью образа сакрального жезла вождя... в данном случае – «отца нации» и создателя местной версии социализма Джулиуса Ньерере. Речь идет об эпизоде избирательной кампании 2015 г., когда претендент на президентское кресло получил жезл, ранее принадлежавший Ньерере, из рук вождя его родного племени вазанаки и, вдобавок – в том городке, где был похоронен первый лидер страны (добровольно покинувший пост в 1985 г.). Этот жезл или его точная и столь же могущественная копия (согласно легендам, благодаря посоху Ньерере победил британских колонизаторов, и только ему было по силам его носить) всплывал в ходе предвыборных компаний неоднократно, как неоднократно наблюдали и «воскресшего» покойного лидера. А.Ю. Сергеева характеризует совместное «построение» культа первого президента в роли идеального и высокоморального лидера как «сверху», так и «снизу».

Наконец, в статье *Ирины Пащенко* рассматриваются особенности джихадизма как практического проявления радикального исламизма на современном Северном Кавказе. В ней анализируются факторы смены «региональной» парадигмы в сознании местных джихадистов на глобальную, приведшую в 2015–2016 гг. к присяге практически всех нелегальных групп боевиков т. н. «Исламскому государству». В ней немалую роль сыграли иностранные миссионеры и боевики – джихадисты, особое внимание к Северному Кавказу с 1999 г. со стороны Бен Ладена и другие факторы.

Хотя задуманное *обсуждение* вопросов археолого-религиоведческой проблематики в этом номере не удалось реализовать в полном объеме, я тоже хотел бы кратко высказаться по сформулированным вопросам.

(1) *Возможности реконструкции обрядовых действий в археологии видятся мне, во-первых, в более широком (и, увы, дорогом) применении достижений физической антропологии, методов естественных наук, которые существенно уточняют характер многих артефактов и следов различных действий. Куда менее затратен, но весьма эффективен анализ картографирования различных объектов и планировки некрополей и отдельных участков поселений. Так, картографирование «случайных находок» клинкового оружия скифского и сарматского времени на Южном Урале, с учетом рельефа местности, выявило сеть родовых культовых центров [Савельев, 2016, с. 251]. Даже факт очень высокой плотности захоронений на отдельных участках может демонстрировать зоны повышенной сакральности у могил особо чтимых предков [Яценко, 2017, с. 250, рис. 1]. Важным представляется, среди прочего, анализ костного материала и тщательная фиксация всех оставшихся артефактов в т. н. нарушенных могилах (ритуально вскрытых или ограбленных современниками, которые тоже были суеверны), исследование границ некрополей (вдоль которых часто находились сакрально значимые объекты).*

(2) *Этнографические материалы* по религиозным верованиям и практикам: возможности использования в археологии. Их привлечение в принципе – одна из немногих возможностей восстановления прошлого (ведь элементы древних верований, при всей их деформации, и сегодня явственно проступают в практиках верующих «мировых» религий). Но на этот вопрос не может быть одного ответа для разных территорий и культур. В ряде регионов с высокой степенью этнокультурной преемственности мы встречаемся с целыми «блоками» очень точных диахронных совпадений, которых может разделять до 2000 лет и более. Типичный пример: очевидная преемственность серии архаических элементов погребальной обрядности от сарматов к средневековым аланам и «этнографическим» осетинам [Яценко, 1998]. В других же регионах мы подчас наблюдаем обратную картину: время почти всё радикально видоизменяет. Продуктивность применения этнографических данных зависит от таких факторов, как степень и длительность относительной изоляции регионов/этносов; консерватизм конкретных форм обрядности; престижность инноваций у местных и внешних элит; интенсивность преследования старых верований позднейшими властями; полнота недавней изученности и теоретического осмысления религиозных верований данного этноса/региона и близких ему этнически/лингвистически групп³. *Наиболее успешной мне кажется «этнографическая составляющая» реконструкции культовых объектов, действий и представлений в тех регионах, где долго сохранялась этнокультурная преемственность, а в недавние времена традиционная культура не подвергалась разрушительным гонениям, где наблюдается природная изолированность и где раннее население не подвергалось многократному сознательному уничтожению.*

(4) Археологические критерии выделения жречества и иных членов общин с сакральным статусом (колдунов, гадателей, людей с «добрым глазом» и т. п.). Я скептически отношусь к возможности «легкого» выделения «профессионального» (чаще на деле – полупрофессионального) жречества в погребениях по языческому обряду [ср., например: Дашковский, 2001; 2009]. Это объясняется разграбленностью большинства «подозрительных» могил, полифункциональностью многих атрибутов таких людей, их частым изготовлением из органики и оставлением их для живых «наследников», отсутствием или мизерностью достоверных ранних письменных сведений по большинству культур и т. п. Зачастую проще бывает выделить могилы людей из знати, заодно периодически выполнявших некоторые культовые функции [Яценко, 2007]; группы людей, вызывавших негативное отношение части окружающих (колдунов, людей «с дурным глазом»), для которых можно предполагать особые действия по посмертному обезвреживанию; представителей низших групп «специалистов по сверхъестественному» – гадателей и колдунов периферийных общин с несколькими редкими атрибутами и необычными элементами погребального обряда.

³ Не вызывает удивления, например, что документированные сведения о местах находок уникальной серии мужских воинских каменных изваяний I–II вв. в зоне «позднескифского» поселения и некрополя Заветное в ЮЗ Крыму практически идентичны известным зонам установки поминальных статуй на краях селения, на и рядом с кладбищем в архаичных культурах кафиров и калашей Гиндукуша [Яценко, 2014, с. 46; прим. 18].

(5) Критерии наличия *шаманской* практики и круга верований в археологических и в этнографических материалах. Как отражаются в материальной культуре шаманистские верования? Прежде всего, кажется важным отделить оформление *верований* «шаманского круга» от появления реальной устойчивой шаманской культовой *атрибутики и практик*. Судя по центральноазиатским изображениям, специфическая фигура вероятного шамана с известными вплоть до этнографических времен атрибутами и типичными действиями (одиночная фигура с бубном/погремушкой, посохом, особым костюмом с зооморфными элементами, бахромой и т. п., кружащаяся в специфическом «танце») появляется в бронзовом и начале железного века на стыке Саяно-Алтая и Семиречья (рис. 2)⁴. Думаю, что искать археологические следы погребений шаманов (там более – в пределах конкретных некрополей) в северном секторе Евразии – дело практически бесполезное: ведь их, судя по имеющимся этнографическим данным по самодийцам, тюркам и тунгусо-манчжурам, хоронили необычным способом, не в земле, по одиночке, в уединенных местах, а население панически боялось их могил. Подобных ограничений не известно лишь у иранских народов, но проблема в том, что в их обществах шаманство, напротив, уже в древности, видимо, находилось на периферии религиозных представлений, и шаманы обоих полов были куда менее престижными персонами, нежели, например, жрецы наиболее почитаемых святилищ. Вместе с тем в *контактной зоне* иранских и иранизированных культур с миром сибирских аборигенов есть шанс подобные погребения выявить. Я уже приводил аргументы в пользу того, что у мужчин в кургане 2 (рис. 3) и, возможно, 5 в Пазырыке выявлены наборы из 6–7 почти не тронутых грабителями вероятных сакральных атрибутов, соответствующих таковым у шаманов и «колдунов» «этнографических» иранских народов. Первый из них близок «идеальному» набору для «большого посвящения», например, у таджико-узбекской группы карамуртов [Яценко, 2007б, с. 32–26; Yatsenko, 2017]. Попытаться выделить именно изображения шаманских *духов* в кругу памятников древнего искусства Северной Евразии – также весьма неблагодарная задача: ведь, судя по этнографическим материалам, их облик был почти бесконечно разнообразным...

⁴ Искренний энтузиазм многих коллег по поводу выделения на «их» территории древних изображений «шаманов» приводит к тому, что за них обычно принимают либо изображения заведомых божеств или обычных танцоров в масках. Подчас изображениями шаманов объявляют даже... отдельные головы в сложных головных уборах.

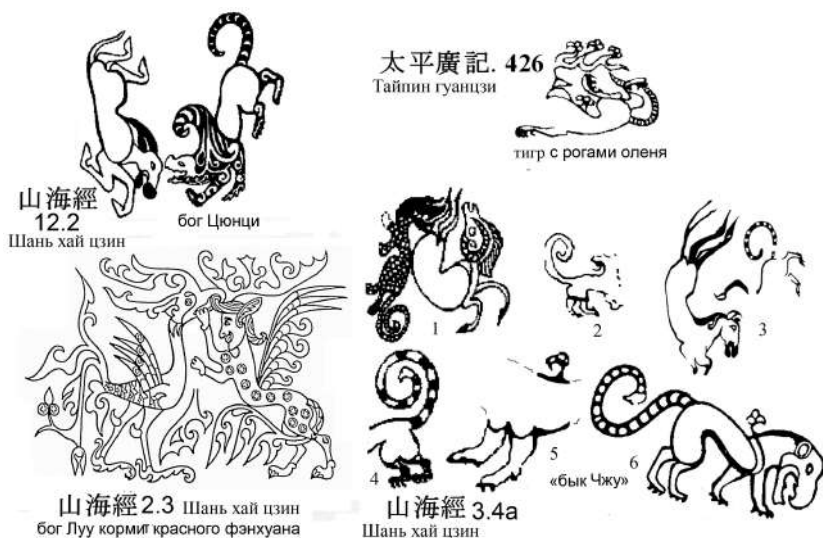

Рис. 1. Образы пазырыкского искусства, описанные в китайских источниках: I – Бог Цюнци; II – Бог Луу; III – «Бык Чжу»; IV – тигр с оленьими рогами – хозяин горных лесов (лекция автора “Методы изучения костюма в древнем изобразительном искусстве”, пров Шэньси. Музей, Сиань, Китай, 07.02.2017)

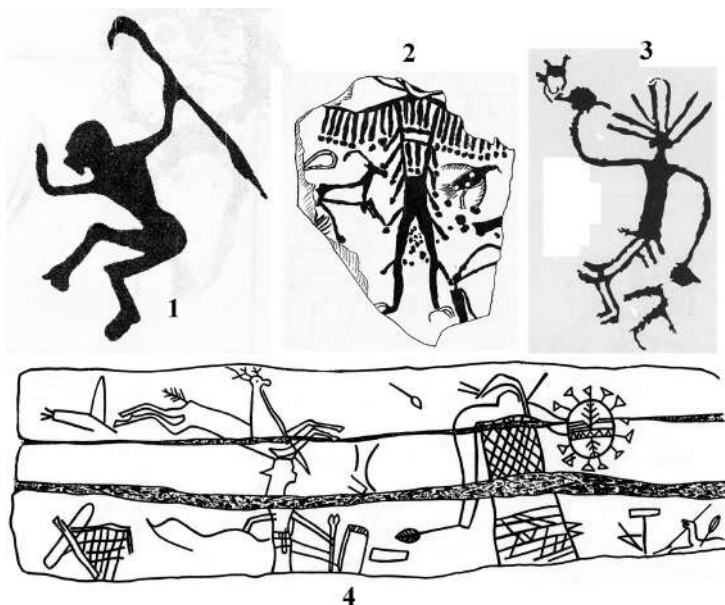

Рис. 2. Некоторые ранние изображения вероятных шаманов с Саяно-Алтайских гор и Юго-Востока Казахстана [Яценко, 2017, рис. 1]: 1 – река Улуг-Хем (по М.А. Девлет); 2 – река Каракол (по В.Д. Кубареву); 3 – Баян Журеке (по З.С. Самашеву); 4 – озеро Тус-Коль (по Л.Р. Кызласову)

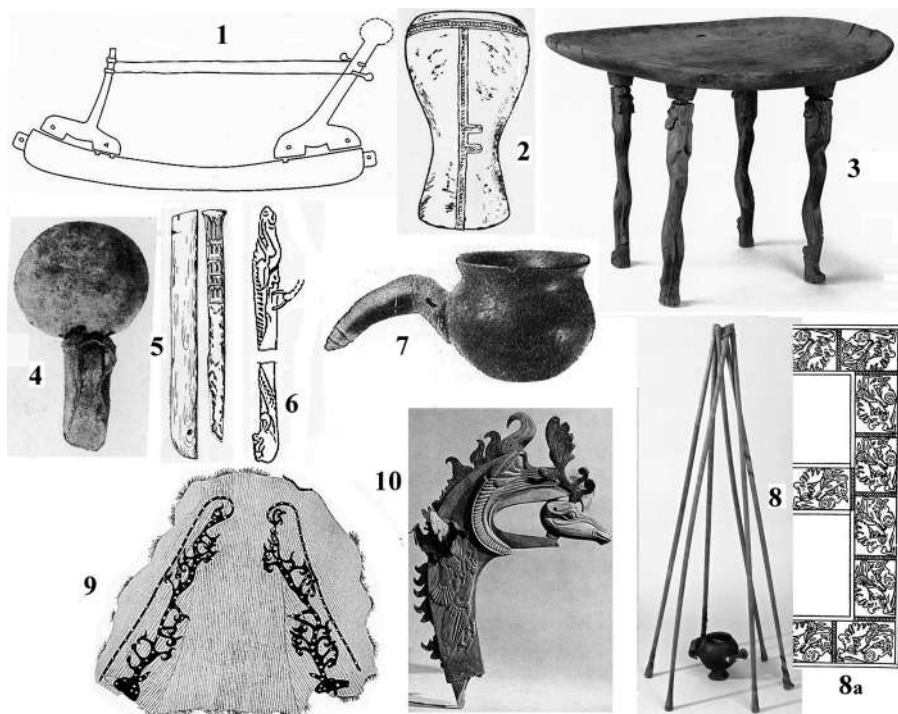

Рис. 3. Пазырык, курган 2. Вероятные шаманские атрибуты, сохранившиеся после разграбления [Яценко, 2017, рис. 3]: (1 – по В.Н. Басилову; 2–10 – по С.И. Руденко)

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. Алматы: Баур, 2005. 224 с.

Бочкарев В.С. Проблема интерпретации европейских кладов металлических изделий эпохи бронзы // *Клады: состав, хронология, интерпретация*. СПб.: СПбГУ, 2002. С. 45–55.

Дашковский П.К. К вопросу о служителях культа в пазырыкском обществе // *Историко-культурное наследие Северной Азии*. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2001. С. 316–319.

Дашковский П.К. Служители культов у тюрков Центральной Азии в эпоху средневековья // *Известия АлтГУ. Сер.: История, политология*. 2009. № 4. С. 65–71.

Канторович А.Р. Образы синкретических существ в восточноевропейском скифском зверином стиле: классификация, типология, хронология, иконографическая динамика // *Исторические исследования*. 2015. № 3. С. 113–218.

Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 1. М.: Восточная литература, 2000. 504 с.

Ольховский В.С. Отчет о работе Устьюртского отряда Западно-Казахстанской экспедиции Института археологии Министерства науки и высшего образования РК в 1998 году // *Архив Мангистауского государственного историко-культурного заповедника*. Актау. № КП-561/1.

Савельев Н.С. Мечи и кинжалы в культовой практике кочевников Южного Приуралья скифо-сарматского времени (пространственный анализ «случайных находок») // К.Ф. Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 241-252.

Усманова Э.Р. Об одной знаковой цитате из «текста» андроновского погребального обряда (по материалам погребений Лисаковской округи II тыс. до н. э.) // *Всероссийский круглый стол «Древние некрополи: погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планиграфия некрополей»*. СПб.: ИИМК РАН, 2016. URL: <http://www.archeo.ru/struktura-1/otdel-arheologii-centralnoi-azii-i-kavkaza/meropriyatiya-otdela/drevnie-nekropoli/usmanova-e.r.-ob-odnoi-znakovoi-citate-iz-teksta-andronovskogo-pogrebalnogo-obryada-po-materialam-pogrebenii-lisakovskoi-okrugii-ii-tys.-do-n.-e.>

Яценко С.А. Сарматские погребальные ритуалы и осетинская этнография // *Российская археология*. 1998. № 3. С. 67–74.

Яценко С.А. О женщинах-«жрицах» у ранних кочевников (на примере знатных сарматок I в. до н. э. – II в. н. э.) // *Мировоззрение народов Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе*. 2007а. Вып. 1. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007. С. 58–66.

Яценко С.А. О предполагаемых шаманских атрибутах в Пазырыке // *Теория и практика археологических исследований*. 2007б. Вып. 3. Барнаул. С. 32–38.

Яценко С.А. Региональные особенности сюжетов и бытовых реалий в монументальных поминально-погребальных памятниках Малой Скифии I–III вв. н. э. // *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма*. 2014. Вып. 6. Севастополь–Тюмень. С. 40–63. URL: http://maiask.ru/data/documents/MAIASK6_2014.pdf.

Яценко С.А. Планиграфия скифского могильника Мамай-Гора // *Старожитності степового Причорномор'я і Криму*. 2017. Т. XX. Запорожье. С. 248–268.

Betts A. Akchakhan-kala: Questions of Chorasmian Kingship // *Цивилизации Великого Шелкового пути из прошлого в будущее: перспективы естественных, общественных, гуманитарных наук*. Самарканд: МИЦАИ ЮНЕСКО. 2017. С. 85–91.

Yatsenko S.A. Shamans of Ancient Iranian Nomads: Artifacts and Iconography (Chapter Eleven) // *Archaeological Approaches to Shamanism. Mind-Body, Nature, and Culture*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2017. P. 243–262.

REFERENCES

Baipakov K.M., Smagulov E.A., Ezhigitova A.A. *Rannesrednevekovye nekropoli luzhnogo Kazakhstana* [The Medieval Necropolises of South Kazakhstan]. Almaty: Baur, 2005. 224 p. (in Russian).

Bochkarev V.S. Problema interpretatsii evropeiskikh kladov metallicheskih izdelii epokhi bronzy [Interpretation Problems of European Treasures of the Metal Wares of Bronze Age], in: *Klady: sostav, khronologiya, interpretatsiya*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2002. P. 45–55 (in Russian).

Dashkovskii P.K. K voprosu o sluzhiteliakh kulta v pazyrykskom obshchestve [On the Study of Priests in Pazyryk Culture Society], in: *Istoriko-kul'turnoe nasledie Severnoi Evrazii*. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta, 2001. P. 316–319 (in Russian).

Dashkovskii P.K. Sluzhiteli kul'tov u tiurkov Tsentral'noi Azii v epokhu srednekovyia [Priests of Turks of the Medieval Epoch in the Central Asia], in: *Izvestiya Altaiskogo gosudarestvennogo universiteta*. Seriya: Istorii, politologiya. 2009. No. 4. P. 65–71 (in Russian).

Kantorovich A.R. Obrazy sinkreticheskikh suchestv v vostochnoevropeskom zverinom stile: klassifikatsiya, tipologiya, khronologiya, ikonograficheskaya dinamika [The Syncretic Creatures' Images in the East European Animal Style: Classification, Typology, Chronology, Iconographic Dynamics], in: *Istoricheskie issledovaniya*. 2015. No. 3. P. 113–218 (in Russian).

Litvinskii B.A., Pichikyan I.R. *Ellinisticheskii khram Oksa v Baktrii (luzhnyi Tadjikistan)* [The Hellenistic Temple of Oxus in Bactria (South Tadjikistan)]. Vol. 1. Moscow: Vostochnaya literatura, 2000. 504 p. (in Russian).

Olkhovskiy V.S. *Otchet o rabote Ustyurtskogo otriada Zapadno-Kazakhstanskoi ekspeditsii Instituta arkheologii Ministerstva nauki i vysshego obrazovaniya RK v 1998 godu* [Report on the Excavations of Ustyurt Group of the Western Kazakhstan Expedition of Institute of Archaeology, Ministry of Science, Republic Kazakhstan, in 1998]. – Archive of Mangystau Regional State Historic-Cultural Park. Aktau. No. KP-561/1 (in Russian).

Saveliev N.S. Mechi i kinzhaly v kul'tovoi praktike kochevnikov luzhnogo Priuralia skifosarmatskogo vremeni (prostranstvennyi analiz "sluchainykh nakhodok") [Swords and Daggers in the Ritual Practice of the South Ural' Nomads of the Scythian-Sarmatian Time (the Spatial Analysis of Accidental Finds)], in: *K.F. Smirnov i sovremennyye problemy sarmatskoi arkheologii*. Orenburg: Izdatel'stvo Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2016. P. 241–252 (in Russian).

Usmanova E.R. Ob odnoi znakovoi tsitate iz "teksta" andronovskogo pograbal'nogo obriada (po materialam Lisakovskoi okrugii II tys. do n.e.) [On One Important Quote from the "Text" of Andronovo Culture Burial Rite (on the Materials of Lisakovsk Suburbs' Graves of the 2nd mill. BCE)], in: *Vserossiiskii kruglyi stol "Drevnie nekropoli: pograbal'no-pominal'naya obriadnost', pograbal'naya arkhitektura i planografiya nekropolei"*. St Petersburg, Institute of the History of Material Culture, RAS. URL: <http://www.archeo.ru/struktura-1/otdel-arheologii-centralnoi-azii-i-kavkaza/meropriyatiya-otdela/drevnie-nekropoli/usmanova-e.r.-ob-odnoi-znakovoi-citate-iz-teksta-andronovskogo-pogrebal'nogo-obryada-po-materialam-pogrebenii-lisakovskoi-okrugii-ii-tys.-do-n.e.> (in Russian).

Yatsenko S.A. Sarmatskie pograbal'nye ritualy i osetinskaia etnografiya [Sarmatian Burial Ritual and the Ossetian Ethnology], in: *Rossiiskaia arkheologiya*. 1998. No. 3. P. 67–74 (in Russian).

Yatsenko S.A. O zhenshchinakh-“zhritsakh” u rannikh kochevnikov (na primere znatnykh sarmatok I v. do n. e. – II v. n. e.) [On Women-“Priests” of the Early Nomads (on the Materials of Noble Sarmatian Women of the 1st c. BCE – 2nd c. CE)], in: *Mirovozzrenie norodov Iuzhnoi Sibiri v istoricheskoi retrospektive*, I. 2007a. Barnaul. P. 58–66 (in Russian).

Yatsenko S.A. O predpolagaemykh shamanskikh atributakh v Pazyryke [On the Probable Shamanic Attributes in Pazyryk], in: *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniï*. 2007b. No. 3. Barnaul. P. 32–38 (in Russian).

Yatsenko S.A. Regional’nye osobennosti siuzhetov i bytovykh realii v monumental’nykh pominal’no-pograbal’nyh pamyatnikakh Maloi Skifii I–III vv. n. e. [Regional Features of Subjects on the Funeral-Burial Monuments of Scythia Minor in the 1st–3rd cc. CE], in: *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma*. 2014. Vol. 6. Sevastopol – Tyumen. P. 40–63. URL: http://maias.ru/data/documents/MAIASK6_2014.pdf (in Russian).

Yatsenko S.A. Planigrafiia skifskogo mogil’nika Mamai-Gora [Planigraphy of Mamai-Gora Scythian Necropolis], in: *Starozhitnosi stepovogo Prychornomia i Krymu*. 2017. Vol. XX. Zaporozhie. P. 248–268 (in Russian).

Betts A. Akchakhan-kala: Questions of Chorasmian Kingship, in: *Tsivilizatsii Velikogo Shelkogogo puti iz porshlogo v budushchee: perspektivy estestvennykh, obshchestvennykh, gumanitarnykh nauk*. Samarkand: IICAS UNESCO, 2017. P. 85–91.

Yatsenko S.A. Shamans of Ancient Iranian Nomads: Artifacts and Iconography (Chapter Eleven), in: *Archaeological Approaches to Shamanism. Mind-Body, Nature, and Culture*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2017. P. 243–262.